

Виктор Дьяков

ЗОЛОТО НАШИХ ПРЕДКОВ

роман

Виктор Дьяков

Золото наших предков

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Дьяков В. Е.

Золото наших предков / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат»,
2002

Москва 1997-98гг., до и в период дефолта. В романе присутствуют две параллельные линии. Производственно-деловая, в которой имеют место и пьянки, и драки, и воровство, и интриги, и на выходе вроде бы реальное золото, добываемое из радиодеталей. Вторая линия – это приобщение к миру прекрасного, истинным ценностям - произведениям искусства. Золотой телец, которому поклоняются многие, не есть высшая мировая ценность, таковыми являются творения человеческого гения.

© Дьяков В. Е., 2002

© ЛитРес: Самиздат, 2002

Содержание

ЧАСТЬ I. КАЛИНА	5
1	5
2	10
3	14
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ЧАСТЬ I. КАЛИНА

1

В ничем не примечательный майский облачный день 1997 года, из автобуса, следующего по Нижегородской улице, на остановке вблизи железнодорожной станции "Калитники", вышел среднего роста, коренастый лысеющий мужчина. При первом взгляде на него сразу на ум приходило – живчик. При более внимательном рассмотрении, однако, впечатление несколько менялось – живчик-то живчик, но чрезмерно суетливый. Особенно это было заметно по его рукам, они, казалось, не знали ни секунды покоя – то, что-то искали в карманах, то поглаживали остатки волос на голове, то тёрли виски, или начинали на ходу отряхивать штанину брюк. Мужчина обращался к встречным, к одному, второму, третьему... Никто не мог указать ему нужного переулочка, и он ещё больше нервничал. Наконец, кто-то объяснил коренастому, суетливому... куда надо идти.

Целью его поисков оказалось здание бывшего детсада, который сейчас делили частная школа-лицей и офис некой фирмы. Впрочем, сказать делили, было не совсем точно. Лицей занимал не менее восьмидесяти процентов двухэтажного здания, а фирма притулилась в торце первого этажа.

– Здесь находится фирма "Промтехнология"?... Я по объявлению, – обратился мужчина к находящемуся на вахте у входа лицейскому охраннику.

– Пройдите по коридору до конца. Четыре последние комнаты это и есть офис фирмы, – ответил охранник, скользнув по посетителю неприязненным взглядом, в котором без труда читалось: много вас тут ходит... по объявлению.

Секретарша, средних лет, невзрачная, но бойкая, по телефону доложила о посетителе и попросила подождать. Тем временем из кабинета директора через закрытую дверь доносились отзвуки разговора на повышенных тонах. Через несколько минут дверь резко распахнулась и оттуда спешно вышел очень высокий, лет чуть за тридцать, человек с взволнованно-покрасневшим лицом. Одет он был, что называется, с "иголочки": явно дорогие, костюм, галстук, туфли. Увидев сидящего в приёмной постороннего, он уставился на него.

– Вы к кому... по какому вопросу? – после паузы изрёк молодой, высокий, прикидистый.

Посетитель неловко поднялся, замешкался и ответить не успел, его опередила секретарша:

– Это к Владимиру Викторовичу по поводу объявления о вакансии должности начальника производства?

– Вы хотите устроиться к нам начальником производства? – молодой спрашивал с усмешкой, оглядывая посетителя с не менее чем стодевяностосантиметровой высоты.

По всему, нескладная внешность и простая одежда – коричневая ношенная курточка, мешком висящие брюки – не внушали ни доверия, ни уважения к кандидату на вакантную долж-

ность. И вновь ответить посетитель не успел, ибо директор через секретаршу, по телефону пригасил его в кабинет.

– Здравствуйте, я генеральный директор общества с ограниченной ответственностью "Промтехнология" Шебаршин Владимир Викторович. С кем имею честь? – не протягивая руки, и не поднимаясь из-за стола, представился рыхло-полный человек лет сорока пяти, окидывая исподлобья посетителя устало-равнодушным взглядом.

– Я, Калина Пётр Иванович, – кандидат виновато-суетливо переминался, стоя возле директорского стола.

– Как, как... Калина!?... Интересная фамилия. Давайте паспорт и трудовую. Надеюсь, у вас нет "тёмных пятен" в предыдущей трудовой деятельности? А то я уже несколько человек отфутболил, – директор раскрыл поданные документы. – Пойдите, пойдите... Вы что же, не из Москвы? – директор поднял недоумённые глаза.

– Никак нет, – чуть не заикался от волнения посетитель. – Вернее, пока у меня постоянной московской прописки нет... но скоро будет. Этой осенью сдают новый дом и там у меня квартира.

– Какой дом, какая квартира!?... Вы же в Алма-Ате прописаны... и родились в Казахстане. Вот тут же написано в паспорте, Павлодарская область... Вы же вообще не гражданин России. Как я вас могу взять на работу, да ещё на такую ответственную, руководящую должность? – лицо директора недвусмысленно выражало – не морочь мне голову.

– Вы... вы переверните страничку... это у меня была алма-атинская прописка, а сейчас уже московская.

Директор последовал совету.

– Ну и что... у вас временная прописка... Нет, у нас в фирме могут работать только постоянно прописанные москвичи и жители ближайшего Подмосковья, – директор бросил на стол паспорт и взял трудовую книжку. – Ничего не понимаю... Где вы работали, что означает эта единственная запись? – директор недоумённо всматривался в документ.

– Дело в том, что я после школы сразу поступил в военное училище связи и двадцать лет, до девяносто пятого года служил в армии, потому у меня всего одна запись в трудовой. После увольнения в запас я не работал. В Алма-Ате сейчас устроится довольно сложно. Вот в Москву приехал, здесь у сестры пока временно прописался...

– Так... – директор посмотрел на посетителя уже с некоторым интересом. – И как вам всё это удалось... и прописаться, и что вы там говорили, вроде какую-то квартиру вам строят? – вопрос прозвучал с явным недоверием.

– Ну, как же, сестра родная. Она за москвичом замужем, в Москве давно живёт... прописала.

– У неё, что квартира большая? – продолжал излучать недоверие директор, в то же время проникаясь всё большим интересом к собеседнику.

– Да нет, откуда... Как у всех, две комнаты на троих. Но я сразу обговорил, что жить у неё не буду. Я пока комнату снимаю. Мне ведь только прописка нужна какая-нибудь, для оформления гражданства и перевода пенсии из Казахстана.

– Ну ладно, сестра это я ещё допускаю, но гражданство, да ещё с временной пропиской. Это же наверное очень трудно сделать?

– Трудно, невероятно... – посетитель нервно сглотнул слюну, и словно на что-то решившись, заговорил твёрдо. – У меня здесь в Москве есть знакомые... в МВД. Я ведь хоть и связист, но в войсках МВД служил. Мой бывший начальник после развала Союза сумел в Москву перевестись... Он мне тут помог.

Выражение лица посетителя не оставляло сомнений, что все эти признания даются ему с трудом – на его морщинистом лбу выступили капли пота, хотя в кабинете было совсем не жарко. Однако директор со всё возрастающей интенсивностью "давил" на него прессингом очередных вопросов:

– Так вы говорите у вас знакомства в системе МВД? – директор встал из-за стола и уже смотрел на посетителя с неким подобием уважения. – Так – так, это очень хорошо. Как вас зовут, Калина?...

– Пётр Иванович, – с готовностью подсказал посетитель.

– Да, Пётр Иванович. А что вы там насчёт квартиры говорили? Вам, что здесь и квартиру от МВД дают?

– Нет... – посетитель вновь смутился, – квартиру я купил... в строящемся доме.

– Купили... как это... за сколько!? – вновь изумился директор.

– Почти за пятьдесят тысяч, – тихо произнёс посетитель, опустив глаза.

– За сколько... пятьдесят тысяч... долларов!?... Откуда у вас такие деньги!? Вы меня извините, но я должен знать... ведь я не могу брать на работу, не зная кого.

– Не беспокойтесь, деньги эти не имеют криминального происхождения... – посетителю тяжело давались эти слова, – Но поймите и меня... Это связано со многими людьми, с моими бывшими сослуживцами. Я не могу вам всего сказать. Вы же коммерсант и должны меня понять.

Директор вновь сел и облокотясь на стол задумался. После очередной паузы он спросил:

– В каком звании вы уволились?

– Капитан.

– Капитан... за двадцать лет службы!? Почему так мало?

– У нас в округе, чтобы расти, надо было по дырам служить. А я женился в Алма-Ате, квартиру хорошую имел, потом у моего сына хроническая болезнь ушей и он нуждался в постоянном лечении. В общем, все предложения о переводе с повышением я отклонял.

Как ни странно, но этот ответ удовлетворил директора. Он понимающе кивнул, и его дальнейшие вопросы имели уже другую направленность:

– Вы в курсе, чем занимается наша фирма?

– В общих чертах.

– Вам приходилось иметь дело с радиодеталями, содержащими драгметаллы?

– Приходилось.

– Ну что ж, это хорошо... Введу вас немного в курс дела. Мы занимаемся демонтажем списанной радиотехнической аппаратуры, извлекаем из неё детали содержащие золото, серебро, платину, палладий. Учитываем всё это, складировать и продаём на перерабатывающее металлургическое предприятия, либо здесь недалеко, в Подмоскovie, либо в Рязанской области. Это зависит от вида драгметалла. Производственные площади мы арендуем на опытном заводе одного оборонного НИИ. Завод этот сейчас фактически стоит, нет финансирования, да и заказов тоже. Там у нас располагаются цех демонтажа и складские помещения. Так вот, задача начальника производства, обеспечить бесперебойную и продуктивную работу этих, так называемых, производственных мощностей. Понимаете?... Да вы садитесь, – директор жестом указал на стулья, предназначенные для посетителей.

– Не совсем, – посетитель осторожно присел на край стула напротив директора. – Там у вас, что станки, или?...

– Какие станки. У нас там десяток работяг с помощью кусачек, молотков, зубил и перфоратора выкусывают, вырубает эти детали... микросхемы, транзисторы, контакты и так далее. Машина там одна, это дробилка. Она размалывает уже полностью очищенные от радиоэлементов платы в полиметаллический концентрат. Это такой порошок, содержащий небольшой процент серебра и золота. Ваша основная задача заставить продуктивно работать рабочих, обеспечить дисциплину. Чтобы они вовремя приходили на работу, не уходили раньше, чтобы не пили на работе. Это главное. Ваш предшественник, Горин – грамотный инженер. Например, дробилку он лично собрал и запустил. Но вот с рабочих требовать не умел, распустил донельзя. Но вы человек военный, надеюсь с этим справитесь?...

– Владимир Викторович, позвольте узнать, а сколько получают ваши рабочие? – посетитель уже несколько освоился.

– Шестьсот – семьсот тысяч в месяц. Если конечно все рабочие дни выходят. Но прогулов очень много. Часто выгонять приходится. Новых набираем, но они, как правило, не лучше прежних.

"Не много ты платишь", – подумал про себя Калина, но промолчал, а вслух спросил:

– А какова зарплата начальника производства?

– Два миллиона... Но это не предел. Если у вас дело пойдёт, зарплату можно увеличить, – директор многообещающе улыбнулся, откинулся на спинку стула и на его шее тускло блеснула толстая золотая цепь, опускавшаяся в вырез рубашки... – А ваши родственники, значит, в Казахстане и сейчас вы здесь без семьи?... Как квартиру получите, перевезёте сюда? – вновь сменил "направление" директор.

– Да конечно, перевезу. А насчёт родни... Я ведь сын целинников. А родители у меня с Кубани. Они тридцать лет на Целине прожили, а потом опять на Кубань вернулись, там и умерли. В их доме сейчас моя младшая сестра живёт. А в Алма-Ате у меня семья и теща.

– Семья большая?

– Жена, сын и дочь.

– Тёщу тоже сюда перевозить будете?

– Нет, у неё там собственный дом. Хотя сейчас ей тяжело приходится, но сюда она не поедет, – разговор всё более приобретал непринуждённый характер.

– Пётр Иванович, а всё-таки, скажите, насколько серьёзные у вас знакомства в системе МВД? Я про это спрашиваю не из праздного любопытства, а на предмет возможности приобретения списанной радиоаппаратуры. Ведь в МВД, я думаю, таковой полно.

Калина понял, что от ответа на этот вопрос во многом зависит окончательное решение директора, возьмёт он его на работу, или нет.

– У меня там есть знакомый... хороший знакомый. Он занимает достаточно высокую должность. Не знаю как насчёт аппаратуры... но наверное... Я могу с ним связаться...

2

Из офиса Калина вышел в приподнятом настроении. От осознании большой удачи даже его врождённая суетливость теперь больше смахивала на деловитость, шустрость... Уже в Марьино, неподалёку от дома, где снимал комнату, он заскочил на переговорный пункт, заказал разговор с Алма-Атой.

– Валя, как у вас дела?... Ну и слава Богу... У меня всё отлично. Сегодня на работу устроился... Да тут в одну фирму, начальником производства... Долго объяснять, потом расскажу... Два миллиона рублей обещают, это что-то около трёхсот долларов... Да нет, радоваться пока рано. Здесь же Москва, жизнь ужасно дорогая, так что это совсем не много. Но главное что я, наконец, устроился. Пока поработаю, осмотрюсь, а там видно будет. Как у вас с деньгами?... Понятно. Ну что ж, делать нечего, только терпеть. Как получу зарплату, сразу вам вышлю. Тут ещё с квартирой постоянно новые сложности возникают. В срок дом вряд ли сдадут... Ну, что я тут могу, от меня ничего не зависит... Обещают не раньше октября, а то и до Нового Года дотянут. И деньги всё жмут и жмут, то то, то это, сверху платить приходится. Полный беспредел... Не, к генералу больше не обращался. Неудобно, он и так уже столько помог... Не, на работу я сам без его помощи, по объявлению устроился... Что?!... Ты что Валь, почему плачешь, у вас что-то случилось!?!... Кого, Ваську!?!... А чего ж сразу-то сказала, что всё нормально, это ж разве нормально!?!... Да действительно, я ничем вам сейчас там не помогу. Ну, успокойся, не плачь. Где избили?!... В школ?!... Ну гады!... Да я понимаю Валь, что ж теперь делать, потерпите пожалуйста, милые вы мои, у меня самого сердце кровью... И не ходи никуда, я ж понимаю, что там защиты сейчас просить не у кого. Немного, немного уж осталось, в этом году я вас обязательно заберу. Может его пока в другую школу?... Да, ты права. Со Светой всё в порядке?... Ну, хоть это слава Богу... Подождите, девушка, не прерывайте, ещё три минуты пожалуйста, я оплачу!... Спасибо!... Валя ты меня слышишь?... Слушай, раз такое дело, давай так. Шут с ней с квартирой. Как только учебный год закончится, забирай документы Васьки и Светы, увольняйся со своей конторы и сюда приезжайте... Куда, куда, в комнату, где я сейчас. С хозяйкой я договорюсь... Ну, а что ещё делать, ждать, когда мальчишку убьют, или совсем искалечат?...

Когда Калина вышел с переговорного, от его радужного настроения не осталось и следа. Квартирная хозяйка, старуха лет семидесяти встретила постояльца как всегда, подчёркнуто дружелюбно – он был непьющим, тихим, бесплатно взялся чинить её часто барахливший телевизор, ну и строго в срок платил за комнату и стол.

– Добрый вечер Анна Григорьевна, – устало поздоровался Калина.

– Добрый вечер Петя. Что ты смурной сегодня, не взяли? – бабка была в курсе, что постоялец ездил устраиваться на работу.

– Да нет с работой всё в порядке, устроился.

– Ой, какой ты молодец. Слушай, у меня к тебе разговор есть... сейчас правда это не к спеху. Садись, у меня ужин готов.

– Какой разговор? – они прошли на кухню.

– Петь, ты человек в этом деле ушлый, не первый день работу ищешь. У меня внук, Ромка, ну ты его видел, он в прошлое воскресенье приходил... Садись, у меня лапша куриная. Ты же на ужин первое ешь... Так вот, болтается он без дела. Неделью назад в милицию попал. Ты не посоветуешь, куда парня можно пристроить. Сам-то он не сможет найти, да и родители его в этом деле не больно поворотливы.

– Ему сколько лет? – спросил Калина, беря ложку и принимаясь за лапшу.

– Девятнадцать.

– Знаете... именно сейчас вряд ли что смогу. Подождите, вот если я на этой работе закреплюсь, тогда может и помогу.

– А ты, что начальником устроился? – оживилась бабка.

– Да, вроде.

– Молодец, я так и думала, что ты только начальником работать будешь. Всё я на тебя удивляюсь, вон сын мой всю жизнь в Москве живёт, а как был шофёр, так и остался, кроме своей баранки ничего не знает. А ты не успел приехать, уже и квартиру почти купил, и столько всего тут узнал, и всюду у тебя знакомые, и на работу вот устроился, одно слово, молодец.

– Да не такой уж и молодец, и с квартирой пока не всё в порядке, и знакомых... Ну, кто тут у меня, генерал, с которым служил, да семья сестры... А вы знаете Анна Григорьевна и у меня ведь к вам просьба.

– Какая? – насторожилась хозяйка.

– Понимаете, дом в котором я квартиру купил, несколько позже первоначального срока будет сдан. Сначала к сентябрю обещали, а сейчас говорят только к Новому Году.

– Ааа, ты это насчёт квартиры? Так не беспокойся, живи сколько надо, я ж не гоню тебя.

– Спасибо. Только у меня и ещё просьба будет, – Калина заметно засмутился. – Дело в том, что я хочу уже летом привезти свою семью.

– А что до тех пор, как квартира готова будет никак подождать нельзя? – хозяйка явно не горела желанием пускать на свою жилплощадь на несколько месяцев семью постояльца – семья с детьми, это не один человек.

– В том-то и дело, – Калина положил ложку и звонко ударил кулаком себе в ладонь, – Моим надо срочно оттуда уезжать. В школе казахи моего сына, Ваську, избивают... А у него и так со здоровьем проблемы, с малых лет по больницам.

– Вот паразиты!... Мы ж их всему научили... сколько там всего понастроили... совсем обнаглели, – легко, с пол-оборота завелась бабка, которой когда-то приходилось бывать в Казахстане в командировках. – И надо ж, как прятали нутро своё. Ведь это их отцы да матери

подзуживают, сами то тихо сидели в две дырки сопели, а теперь как же независимость, хозяева страна!

– Это так. Раньше там вообще спокойно было жить. Никогда я за семью не беспокоился, даже подумать не мог, что моих детей кто-то по национальному признаку унижать будет. В толк не возьму, что за эти пять лет с ними произошло? Я же с детства с ними жил, в школе учился, солдаты, прапорщики казахи у меня были, никогда никаких конфликтов. С кем угодно, только не с ними. Добрее, покладистее народа не было. А сейчас вот позвонил... жена плачет, сил говорит уже нет, забирай скорее.

– А сыну твоему сколько?

– Четырнадцать.

– А девочке?

– Шестнадцать.

– А к ней эти узкоглазые не привязываются?

– Нет, в этом плане казахи не кавказцы, к русским девчонкам и женщинам они обычно не пристают... Вернее раньше такого не случалось. Чёрт его знает к чему сейчас идёт. Лучше забрать их от греха. Вы как, не против, если я их... на несколько месяцев всего... до Нового Года?

– Ну что ж делать, раз такое дело... Бог с тобой Петя... вези...

Когда на следующий день Калина пришёл в офис, Шебаршина на месте не оказалось. Его встретил тот самый хорошо одетый высокий молодой человек.

– Финансовый директор фирмы Ножкин Юрий Константинович, – представился высокий, глядя на этот раз на Калину без пренебрежения, с явным интересом. – Вам удалось вчера произвести впечатление на Владимира Викторовича. Он от вас просто в восторге, – с некоторым притворством улыбался Ножкин. – Вы, что в армии служили?

– Не совсем так... в МВД.

– А я тоже успел офицерской жизни хлебнуть. Я ведь Ярославское военно-финансовое училище закончил и родом с Ярославля. Два года отслужил, и понял, не моё это дело. По гарнизонам, по дырам мотаться, чтобы, отдав молодые годы и здоровье, в лучшем случае майором или подполковником уволиться. Вы же не хуже меня знаете, что без связей, влиятельных родичей в армии ни подняться, ни в нормальное место служить попасть невозможно. Вы ведь тоже карьеры не сделали?

– Не сделал, – Калина не хотел сейчас говорить на эту тему.

– Вот и я, старлея получил и решил больше не тянуть. Дебоширить стал, пить, начальству грубить... для вида конечно. Замполита как-то обматерил. В общем, добился чего хотел, уволили за дискредитацию офицерского звания. Ни дня не жалел об этом...

Калине были неприятны эти подробности, ещё более осознание того, что этот молодчик, уволенный из армии с "волчьим билетом", сумел подняться и теперь, по всему, будет его, старого служаки, начальником.

– Извините Юрий... Константинович, вчера Владимир Викторович мне кое, что тут объяснил, но я как-то не очень врубился. Вы не могли бы со своей стороны немного ввести меня в курс дел вашей фирмы, – Калина не хотел больше слушать разговоры "за жизнь".

– Это запросто... Шеф наверное вам сказал, что мы размонтируем радиоаппаратуру, вернее снимаем детали содержащие драгметаллы?... Эту аппаратуру, точнее радиотехнический лом, мы закупаем в различных организациях, а детали, что оттуда выковыриваем, продаём уже на комбинаты, где их переплавляют, извлекая чистые драгметаллы. Разница в цене и есть наша прибыль. Главная наша задача приобрести сырьё, то есть радиотехнический лом, по минимальной, желательно халявной цене.

– А продать как можно дороже? – попытался домыслить Калина.

– По логике вещей так, – кисло улыбнулся в ответ Ножкин, – но в нашей стране не всё подчинено логике. Капитализм ведь у нас специфический с элементами социализма, потому и сдавать нашу продукцию мы вынуждены по фиксированным ценам на госпредприятия-монополисты. Ну а они, ко всему, ещё и обманывают нас постоянно. Так, что приходится крутиться именно на закупке. Этим в основном мне и подчинённым мне снабженцам заниматься приходится.

– И как же вам это удаётся?

– Что, покупать по дешевке?... Разве вам Владимир Викторович не говорил кто у него отец?... Ооо, директор у нас человек не простой, вернее его отец. Шебаршин сын крупного воротилы, как это сейчас модно называть, военно-промышленного комплекса. Его папаша этакий генерал от обороны, курировавший в советское время примерно полторы сотни оборонных предприятий по всей стране. Сейчас он на пенсии, но связи, сами понимаете, сумасшедшие. Сам Викторыч в Совмине работал, небольшой шишкой. Конечно, и туда его отец пристроил. И эта фирма, и возможность приобретения халявного материала... это всё те же старые связи отца. Там же чуть не в каждом НИИ, на заводах его знакомые сидят, которых он рекомендовал, проталкивал, причем сидят на самых высоких постах. К примеру, производственные площади мы арендуем на опытном заводе одного аэрокосмического НИИ. Арендную плату берут божескую и за забором с охраной, никакой уличный рэкет...

– Пётр Иванович, вы меня ждёте?... Извините... в банке задержаться пришлось, – в кабинет вихрем влетел директор. – Это, кстати, ты должен там нервы трепать, а не я, – тут же директор сделал резкий выговор Ножкину. – Я на машине, пойдёте Пётр Иванович, я вас на завод подвезу и представлю рабочим и сотрудникам...

3

"Мерседес" Шебаршина уверенно лавировал в потоке машин, нырнул в тоннель под железнодорожным полотном, минут десять ехал по широкой, заполненной транспортом магистрали, потом свернул... Не знающий Москвы Калина думал, что они отъехали от офиса очень далеко. На самом же деле они добрый час объезжали промзону, а по прямой, если идти пешком от офиса до завода, было чуть более пятисот метров. Фасад НИИ смотрелся солидно, но за проходной оказалось грязно, неубрано, ветер гонял по территории обрывки газет, какие-то пакеты, здесь же бегали облаивая друг-друга стаи бродячих собак.

Цех демонтажа располагался в торце огромного ангара. Раньше весь этот ангар занимал литейный цех опытного завода при НИИ. Сейчас почти все помещения сдавались различным арендаторам. Цех демонтажа произвёл на Калину гнетущее впечатление: сумрачное, сырое помещение, относительно небольшое по площади, но с высоченным потолком. Рабочие встретили нового начальника равнодушно, так будто от него, того кто будет давать им производственные задания, оценивать их труд, в том числе и в виде начисления зарплаты... будто от него ровным счётом ничего не зависит.

Калина имел довольно большой опыт командования солдатами, прапорщиками... Но здесь ему предстояло иметь дело совсем с иными людьми, причём в основном уже немолодыми. Из десятка рабочих молодым был лишь один, парень лет двадцати. Остальные... даже тридцатилетних почти не видно, а двое смотрелись вообще пенсионерами. Почти у всех на лице лежала печать обычного недуга русских пролетариев – пьянства.

– С рабочими поменьше сантиментов, при систематическом нарушении трудовой дисциплины, особенно за употребление в рабочее время, докладная записка мне, после чего последует незамедлительное увольнение. Ваш предшественник тут такую демократию развёл... – наставлял Калину директор после того, как они вышли из грохочущего молотками и перфоратором цеха.

– А эти рабочие... они откуда, тоже по объявлению набраны? – поинтересовался Калина.

– Есть и по объявлению, но в основном местные, на этом заводе работали. Кроме постоянных рабочих у нас трудятся и несколько совместителей на полставки. Эти работяги частично заняты на своих старых рабочих местах, на этом же заводе. Но там у них неполная занятость, завод-то почти стоит. Здесь мы навстречу местной администрации пошли. Это в основном уже старые мужики, которым до пенсии немного осталось, вот они и у нас немного зарабатывают, и на старом месте вроде числятся, чтобы непрерывный стаж шёл. Но вообще-то работники они ненадёжные, желательно набрать людей со стороны, а этих давно пора в шею. Прежний начальник тоже местный был из заводских инженеров. Они все давно друг друга знали, отсюда панибратство и так далее. Ну, вы понимаете...

Они поднялись на второй этаж кирпичного административного здания переходом связанного с ангаром.

– Я вам Пётр Иванович не сказал... не только цех и рабочие будут в вашем подчинении, но и склад, и ещё одно подразделение фирмы. Это наша химическая лаборатория, – с этими

словами Шебаршин распахнул дверь в ряду таких же дверей, расположившихся по обе стороны длинного коридора с паркетным полом.

В узкой как пенал комнате, казавшейся таковой в основном из-за того, что она была уставлена металлическими столами, шкафами, какой-то аппаратурой, бутылками, колбами, мензурками... в нос шибал резкий дух химреактивов. На вошедших взирали две женщины в синих комбинезонах.

– Вот знакомьтесь, это Людмила Фёдоровна Кондратьева, начальник лаборатории, – Шебаршин указал на рослую женщину с грубоватой мужеподобной фигурой и широким добрым лицом. – А это лаборант Гришина Серафима Георгиевна.

Обоим женщинам на вид заметно за сорок, но лаборантка смотрелась куда симпатичнее начальницы, комбинезон очень выгодно облегал её не по годам хрупкую, но с соблазнительными изгибами фигуру. Лицо тоже достаточно миловидное, вот только добротой от него не веяло.

– А это Пётр Иванович Калина, наш новый начальник производства. Прошу любить и жаловать.

– Очень приятно, – Кондратьева радушно приветствовала Калину, в то время как вторая обитательница лаборатории, разглядывала его примерно так же, как рабочие в цеху.

– А чем занимается лаборатория? – задал естественный вопрос Калина, когда они с директором покинули её.

– Тут в общем... – Шебаршин, похоже, испытывал некоторую неловкость. – Если официально, там мы выявляем содержание драгметаллов в том или другом виде получаемой нами продукции. К примеру, в лабораторию приносят определённое количество золотой лигатуры и определяют процент содержания чистого золота. Лигатура, это позолоченные, или посеребрённые контакты радиотехнических разъемов. Потом, по общему весу полученной лигатуры, зная процент содержания, мы можем определить, сколько там содержится золота, или серебра. Это делается для того, чтобы знать, сколько того же золота из нашей лигатуры получают на комбинате, куда мы её продаём, и в соответствии с этим требовать оплату. К сожалению, на комбинате постоянно в наглую занижают этот процент. Впрочем, это уже не ваша забота. Видели сколько оборудования в лаборатории? Оно страшно дорогое. А все эти компоненты: серная кислота, соляная, азотная и прочее. Всё это необходимо для проведения реакций для выделения чистого металла. Тут есть и ещё один нюанс... – Шебаршин опять замялся и взглянул на Калину изучающе. – Если бы мы только получали эти пробы, на которые наши покупатели всё равно плюют, то давно бы вылетели в трубу при таком положении дел, – они стояли на лестнице, рядом никого не было, но директор всё равно понизил голос и огляделся. – В нашей лаборатории мы научились получать чистый драгметалл в приличном количестве... вернее серебро, методом электролиза. А вот золото пока не получается, только мизерные количества, как раз на пробы, а больше никак. Эти бабы, они хоть и инженеры-химики, но спецы не экстра-класса. Я к сожалению это не сразу понял, а сейчас на такое дело человека со стороны уже боязно брать. Конечно, надо было бы специалиста со степенью приглашать... Вот ваш кабинет, – пройдя по ге-образному коридору, они вошли в какой-то тупик и директор ключом, который взял у Кондратьевой, открыл дверь в большую светлую комнату. В комнате стояли два стола, несколько стульев, кушетка, шкаф и сейф.

– Ну, что Пётр Иванович, не испугались? Это я насчёт лаборатории, – Шебаршин сумрачно усмехнулся и сел за один из столов.

– Да нет... чего уж там. Волков бояться в лес не ходить, – постарался как можно спокойнее ответить Калина, хотя известие о том, чем занимается лаборатория его насторожило – извлечение чистых драгметаллов узаконенная прерогатива госпредприятий, и частной фирме это грозило уголовным наказанием. – Так вы говорите, что лаборатория тоже под моим началом?

– Под вашим... Чистое серебро, что в лаборатории получают, вы должны будете лично принимать, взвешивать и хранить в этом сейфе, и потом, когда я найду покупателя, я его у вас буду забирать...

Настроение Калины всё более портилось – ему не улыбалось связываться с подсудным делом. Тем не менее, директор продолжал, как ни в чём не бывало, вводить его в "курс дела".

– Конечно, секретность должна быть полнейшая, про это нигде, и ни в каком разговоре. Сами понимаете, чем это грозит. Кстати, вы знаете сколько по УК положено за незаконное получение, хищение и торговлю драгметаллами?... Пять лет по первой ходке. Я вас не пугаю, а призываю к осторожности, – Шебаршин вальяжно развалившись на стуле пытливо вглядывался в собеседника, но лицо Калины оставалось непроницаемо-спокойно.

– А это что? – Калина не выразив никакой реакции на предостережения директора, указал на сумки и развешенные на стульях женские вещи.

– Этот кабинет месяца полтора пустовал. Я и разрешил химичкам здесь переодеваться и вещи хранить. Если вам это мешает их можно перевести в другое помещение. Мы тут ещё одну комнату арендуем, только туда надо замок врезать.

– Да нет, пускай.

– Я тоже так считаю. С химичками вам придётся иметь постоянный контакт и глаз с них лучше не спускать. Сами понимаете, чем рискуем, – уже доверительно говорил директор.

– Значит один стол мой, а второй... этих лаборанток? – Калина намеренно уходил от разговора на "щекотливую" тему, ему ещё надо было поразмыслить на досуге и потому он задавал "сторонние" вопросы.

– Да нет, зачем им здесь стол. У них вся документация в лаборатории. Это стол кладовщицы. Под вашим строжайшим контролем ведь ещё и склад, вернее два склада, сырья и готовой продукции и, естественно, кладовщица. Её пока нет, будет после обеда... в больницу отпросилась. Склад она сама покажет. А сейчас я вам набросаю функциональную схему организации нашего производства, – Шебаршин сел за стол, достал ручку, взял лист бумаги из стопки лежащей на столе, начал рисовать, – Значит так, утром со склада сырья кладовщица выдаёт материал на переработку... Это могут быть разёмы, платы, даже целые блоки. Выдаёт бригадиру, под счёт... Вы, конечно, всё это контролируете. Количество выдаваемого материала зависит от задания, которое вы даёте бригадиру. А задание обычно заключается в извлечении золотосодержащих деталей и деталей, содержащих другие драгметаллы. Из цеха должны выхо-

дить эти ценные детали и очищенные от них, желательно голые платы, а также элементы монтажа не представляющие ценности. Первые рассортировываются и поступают на склад готовой продукции, вторые, то есть платы, обратно на склад сырья и по мере накопления размалываются в дробилке... ну, а третьи, то есть всякого рода железяки и прочий металлолом выбрасывается на свалку. То, что из цеха поступает на склад готовой продукции строго учитывается, взвешивается и проводится по накладным. Накладные выписываются кладовщицей, но подписываются как ей, так и вами... Понятно?

– Пока не очень... Но думаю со временем... – Калина внимательно следил за тем, как директор рисует прямоугольники и соединяет их стрелами...

Когда Шебаршин ушёл, Калина сел теперь уже за свой стол и минут пять просидел без движения. Мысли мешались в голове, тесня одна другую, следствием чего явились какие-то внутрижелудочные спазмы и сердечные покалывания: "... вляпался... надо ноги уносить... тут не только срок, тут и с конфискацией..." Но не замедлили явиться и мысли-противницы: "... Чего ты испугался? Фирма уже пять лет существует... кто не рискует, тот не пьёт... Для чего ты из казахстанского дерьма сюда вырвался, для того чтобы паршивый миллион где-нибудь Христа ради сшибать?... Нет, за этого генеральского сынка есть смысл зацепиться, наверняка он под такой мощной защитой, что риск не так уж и велик... Надо стать ему нужным, своим..."

Немного успокоившись, Калина пошёл уже сам осматривать свои "владения". Больше всего его интересовал склад. Но кладовщица, как и обещал директор, появилась только после обеда. А до того он общался с лаборантками. Начальница лаборатории Людмила Кондратьева как-то удивительно быстро нашла общий язык с новым начальником производства. К обеду они были уже на "ты", в то время как вторая лаборантка держалась достаточно отчуждённо. В обеденный перерыв Калина хотел было уже идти в местную столовку, но Кондратьева без труда уговорила его пообедать вместе с ними прямо тут в кабинете. Для этой цели у них имелась и плитка, и электрочайник, и принесённый из дома запас продуктов.

После обеда появилась кладовщица, тоже Людмила по фамилии Ермолаева, и тоже в возрасте слегка за сорок. То, что все, с кем в фирме предстояло сталкиваться наиболее часто, и директор и эти женщины, принадлежали к его поколению, показалось Калине добрым знаком. Оказавшись в женском обществе, он, уже несколько месяцев живший вне семьи, почувствовал определённый "прилив сил". Женщины, в первую очередь Кондратьева и кладовщица, принялись "посвящать" его в тонкости здешних внутрифирменных взаимоотношений. Беседа протекала настолько живо и непринуждённо, что химички едва не забыли о работе, что ждала их в лаборатории.

Впрочем, кладовщица Калине сразу не понравилась. В сравнении с откровенной и простоватой Кондратьевой, Ермолаева казалась чрезмерно хитрой и какой-то нарочито разбитной. Подозрения подтвердились, когда она повела Калину на склад. Почему-то новый начальник производства не показался ей "деловым", или она вела себя с ним по старой привычке, выработанной за время работы с прежним начальником, который по словам Шебаршина был изрядной "тряпкой". Она, не вдаваясь в подробности, показала Калине склад сырья. Большое помещение, непосредственно стена к стене примыкающее к цеху демонтажа, заваленное всевозможным радиотехническим ломом. В основном то были мешки набитые какими-то платами, целые радиостанции, какие-то блоки, индикаторы со станций слежения за самолётами, осциллографы, электроизмерительные приборы, ящики наполненные большими и малыми разъёмами, прямоугольными и шаровыми...

– Что ж это всё валяется, разбросано? – не удержался от замечания Калина.

– А что я грузчик, что-ли?... Мне эти мешки не поднять, а рабочих для наведения порядка мне не дают, – грубо огрызнулась кладовщица. – Мне тут только Миша Круглов, бригадир, помогает, ему за это триста тысяч доплачивают. Но у него свои дела. Здесь нужен постоянный складской рабочий, чтобы весь этот хлам разложил, да рассортировал. А моё дело считать, да накладные выписывать, – безапелляционно заявила Ермолаева.

Калина промолчал. Пошли на склад готовой продукции. Это оказалось относительно небольшое, но какое-то изначально холодное помещение за железной дверью с двумя замками. Здесь наблюдался такой же бардак.

– Вот здесь взвешивается готовая продукция, – кладовщица указала на небольшие электронные весы, – А это и есть готовая продукция, – она кивнула на многочисленные серебрящиеся мешки из-под сахара, лежащие вдоль стены.

Калина заглянул в мешки. В одном были срубленные с плат транзисторы, в другом чернели сколотые перфоратором микросхемы, в третьем желтели "золотые" контакты, вырванные из разъёмов, так называемая лигатура.

– Ну, а это-то можно как-то поаккуратнее сложить? – вновь не удержался от упрёка Калина.

– Попробуй этот мешок поднять! – резко повысила голос Ермолаева.

Калина попробовал... Заполненный где-то на треть мешок с микросхемами весил не менее тридцати килограммов.

– Ну и как? – кладовщица смотрела с усмешкой. – А я всёж-таки не мужик... Сколько раз говорила Шебаршину, на складе нужна штатная единица грузчика. А он всё жмётся. Жмот ужасный, ты ещё не раз в этом убедишься.

Калина опять промолчал, но про себя отметил: "Если бы на твоей должности мужик был, то и грузчика не нужно... Неужто, директор сам до этого не додумался? Держать бабу на таких складах – это же идиотизм...".

4

После нескольких дней работы Калина решился высказать свои соображения директору. Для аудиенции он покинул завод и отправился в офис. Пошёл по прямой через промзону, железную дорогу... Шебаршин, сидел чем-то озабоченный, но Калину встретил приветливо:

– Ну, что Пётр Иванович, как ваши первые впечатления?

– По разному, – уклонился от прямого ответа Калина. – Владимир Викторович за эти дни... я, конечно, не могу судить обо всём досконально, но мне кажется производство у нас налажено не совсем эффективно.

– Можете не стесняться, говорите как есть... крайне неэффективно. Это вы хотели сказать? – устало усмехнулся Шебаршин.

Калина не ожидал такой догадливости директора и смущённо замолк.

– Вы думаете, что сообщили мне новость, или у вас есть конкретные предложения?

– Именно так, думаю что надо как можно скорее провести реорганизацию. Я вот тут набросал планчик... сейчас я его вам изложу, – Калина суетливо полез в принесённую с собой папку. – Но сначала мне хотелось бы выяснить, как осуществляется выплата зарплаты.

– Как, а разве вам Ножкин до сих пор ничего не объяснил... насчёт зарплаты!?!...

– Нет, я ведь с завода за эти дни не разу не отлучался, всё в дела вникал, – решил не "подставлять" финансового директора Калина.

– Ну что ж, раз так... Какое сегодня у нас число... семнадцатое? Действительно, механизм выдачи заработной платы вам надо знать досконально. Это большое упущение Ножкина, что вас сразу не проинструктировал... Значит так, зарплата всем сотрудникам фирмы выплачивается в два этапа: пятого числа каждого месяца официальная, так называемая "белая", а двадцатого "чёрная"... Слышали о таком способе?

– Признаться, всего два дня как узнал... от рабочих.

– Так поступают все частные фирмы. Если бы мы платили налоги со всей зарплаты, то при нашем законодательстве давно бы обанкротились. Вам тоже мы официально будем платить пятого четыреста тысяч "белой", а остальные миллион шестьсот получите как "чёрную", то есть неофициально, без ведомости и росписи, просто из рук в руки, – Шебаршин говорил спокойно, будто сообщал очевидные, обыденные вещи.

– Но это всё как-то... – Калина вновь, как и тогда, когда директор сообщил ему о незаконной выплавке серебра, почувствовал себя неуютно.

– Не бойтесь, здесь вы ничем не рискуете. Это проблемы, чисто мои и Ножкина, – Шебаршин по выражению лица Калины понял его опасения. – В ваши обязанности вменяется лишь выдача этой самой "чёрной" зарплаты. "Белую" выдаёт бухгалтерша по ведомости, а на "чёр-

ную" вы предварительно составляете список, неофициальный конечно, в соответствии с тем кто, сколько, и как работает. Список передаёте мне, я его корректирую, если найду нужным, и выдаю вам соответствующую сумму. После выдачи "чёрной" зарплаты список этот, сами понимаете, уничтожается. Ещё вопросы есть?

– Нет... Вернее есть. Я хотел бы уточнить один момент... Я знаю какова зарплата рабочих, выяснил, что Кондратьева с учётом вредности получает миллион, а Гришина и Ермолаева по девятьсот... Владимир Викторович, а вам не кажется, что для частной фирмы, эти зарплаты не слишком высоки?... Поймите меня правильно, я просто анализирую и считаю, что такая зарплата провоцирует, как воровство, так и низкую производительность.

– Вы что предлагаете увеличить зарплату... на сколько?

– Да, примерно в полтора-два раза.

Шебаршин откинулся в кресле и скептически заулыбался:

– Вы делаете слишком скоропалительные выводы... Рабочие пить водку будут всё равно, так же как и опаздывать, и организовывать перекуры, когда заблагорассудится. К тому же, это пройденный этап. Один раз я уже увеличил зарплату... года два назад. Ничего не изменилось. И воровать они не перестанут, сколько не платите... Со временем вы это поймёте. Кстати о воровстве. Вы представляете, каком образом оно осуществляется?

– Весьма смутно, – откровенно признался Калина.

– Они во время работы рассовывают по карманам ценные детали, лигатуру, а потом сдают их на приёмные пункты. Есть такие, типа пунктов приёма цветных металлов, но принимают радиодетали. Есть легальные, где требуют справки, откуда материал, фиксируют паспортные данные сдатчиков, а есть и такие, где принимают ничего не спрашивая, – лицо Шебаршина при этом исказила гримаса ненависти. – Что, они вам про это, конечно, ничего не сообщили, только на свою нищенскую зарплату жаловались? – на лице директора вновь обозначилась усмешка. – Но это хорошо, что вы так активно включились в дела. А повышение зарплаты имеет смысл только при полном пресечении воровства. Вот, Пётр Иванович, мы с вами непосредственно подошли ещё к одной вашей задаче. Она не менее важна, чем организация производства. Но, сами понимаете, говорить об этом раньше было преждевременно. Теперь же, когда вы уже немного вошли в курс дела... Если вам это удастся, пресечь воровство, я вам в четыре раза зарплату увеличу.

Калина сидел сутулясь, словно осев под свалившийся на него информацией. А Шебаршин, тем временем, продолжал:

– Мы тут тоже кое что пытались предпринять, но при прежнем начальнике производства... – Шебаршин не договорив махнул рукой. – Например, надо было чаще менять рабочих, выгонять нерадивых, пьяниц. Вновь поступившие ведь сначала не в курсе, что и куда можно продать, для приобретения такого опыта нужно некоторое время. Потом опять увольнять и набирать новых, и так периодически. Поверьте, это весьма эффективное средство. Я его сам придумал. Но ваш предшественник постоянно срывал выполнение этого плана. Он с пеной у рта отстаивал своих старых знакомых, с кем вместе работал раньше. И вот результат, у нас сейчас слишком много чрезмерно опытных, в кавычках, рабочих. Вот в этом направлении вам, Пётр Иванович, и надо начинать работать – почаще менять рабочих... Понимаете?

– Понимаю, – задумчиво ответил Калина.

– Если вы предложите нечто более эффективное, готов рассмотреть любые предложения. Ну и конечно контроль, и ещё раз контроль, хотя я понимаю, что за всем и всеми не уследишь... Вот так-то... У вас ещё что-то ко мне?

– Да... – Калина заёрзал на стуле. – Я насчёт кладовщицы.

– Ааа... Она наверное вам все уши прожужжала, что её необходим складской рабочий? Ну что ж этот вопрос можно решить, введём ещё одну штатную единицу. Только в конце-концов, это будет ещё один канал для воровства.

– Я предлагаю другое. Не надо штатной единицы. Надо просто взять кладовщика-мужика. Он одновременно будет и кладовщиком и за грузчика работать, постоянно работать, а не периодически как Круглов. А деньги, что Круглову доплачиваются, ему выплачивать.

– Так... это интересно, – директор задумался. – А вы пожалуй здесь правы, и главное, никаких лишних расходов. Действительно, этот бардак на складе уже надоел, и с кого спросить будет. А что с бабы возьмёшь, и болеет она часто, чуть что отпрашивается. Что ж Пётр Иванович... я подумаю и вам сообщу о своём решении, когда окончательно взвешу все за и против. Ещё что?

– Кое что есть и ещё, – виновато произнёс Калина, словно сетуя за то, что отнимает у директора столько времени. – Я тут помозговал и разработал систему проверки выхода готовой продукции. Если хотите, я вам изложу...

– Ну-ну, любопытно...

– Я взял один разъём типа СНП-34 и сам его разделал полностью, разбил колодку, аккуратно вытащил все контакты и взвесил эту лигатуру на электронных весах. Ведь наша основная и самая ценная продукция это именно золотосодержащая лигатура, не так ли?

– Ну, допустим.

– Так вот, если мы, к примеру, выдаём рабочим тысячу таких разъёмов, а из каждого разъёма, как я выяснил, получается 10,2 грамма лигатуры... то на выходе должно получиться десять кило двести грамм. Ну, двести грамм можно списать на всевозможные потери, утруску и так далее. Но десять кило бригадир должен, кровь из носу, сдать на склад, – Калина увлёкся и не заметил, как стал жестикулировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.